

Марина Цветаева

Жених

Оригинал здесь: "[Мир Марины Цветаевой](#)".

Не мой и не Асин: общий. А в общем -- ничей, потому что ни одна не захотела. Была еще старшая, но она уже была замужем. Но если бы и не была -- тоже бы не захотела. Кто захотел бы? Впрочем, всякая, без чутя. Молодой, если не красивый, то благообразный, именно благообразный (вообще все, что угодно от блага: благоприличный, благоразумный, благонамеренный, все, все, кроме -- *родный*, этого не было, и из-за этого-то...), как говорится, "умный", "образованный", "культурный", из приличной семьи, с хорошим будущим... В этом будущем-то все дело и было, ибо осуществить его должны были мы, одна из двух незамужних дочерей нашего отца. Из-за него и сватался, нет, не сватался, даже не ухаживал: охаживал. И как! -- кругами, как кот -- мясника. Кот, впрочем, был сытый, немножко даже слишком. Рослый и плотный, и, увы, весь какой-то потный, неуловимо, точно каким-то подкожным потом, как бывает подпочвенная вода. Вообще, с водой он был связан целиком. Во-первых, глаза: совершенная вода без ничего, кроме первого впечатления честности. Честная голубая вода. Нестерпимо-честная. На вас глядели два честных пустых места. В детстве такие глаза именуются небесными, позже -- честными. Почему у женщин такие глаза именуются русалочьими, а у мужчин -- честными? Приводятся как гарантия честности, а принадлежат они, обыкновенно, самым пройдохам. Этими глазами-то они и проходят -- в первые ученики, и в зятя, и в директора. "Человек с такими глазами не может..." Нет, человек с такими глазами именно *может*, и может -- все. Свойство этих глаз глядеть прямо в ваши, не минуя и не мигая, сбивать ваш взгляд, как кеглю, вас непременно пересмотреть. Второе ощущение: губы говорят одно, а глаза другое: свое и непременно нехорошее. -- "А я знаю!" -- что? -- да какую-то про тебя гадость, такую гадость, которую ты и сам про себя не знаешь. И вот, в смятении, начинаешь искать. Если человек слаб, он непременно найдет. Так или иначе, вы этими глазами побиты заранее. Ибо свойство этих глаз -- власть. Глаза судьбы. Точные глаза допроса. Допроса, значит -- внушения. Заставлю признаться! -- В чем?! -- Да в том, что ты такой же, как я. (Как если бы вчерашний каторжанин допрашивал бывшего товарища.) Глаза сообщничества, от которого вы тщетно отбиваетесь. Если вы их прочли, вы еще более пропали, чем если вы им поверили. И, странная вещь, именно их, у интеллигенции слыvuщих честными", простолюдин неизменно назовет бесстыжими. Слово, которого, кстати, вы никогда не услышите о черных, нет, только о светлых, и из светлых -- только о голубых. И о голубых с непременно черными ресницами, которыми правда точно черным по-белому написана, и гласит она: -- Берегись! И, чтобы все сказать: *честные, как речная вода*.

С водой жених еще был связан местом нашей встречи: Окой. Там у жениховых родителей в городке Тарусе была дачка. Как только мы с Асей впервые в нее вошли, мы сразу почувствовали подозрительность: слишком уж... -- что? Да благостно! Женихов отец с толстым темно-синим сатиновым животом, еле удерживаемым крученым, с кистями, поясом, медовым голосом приглашающий нас "испить чайку с медком", и даже, кажется, "почтить"; женихова мать -- с теми же глазами, только разбавленными и расслабленными "бабьей долей", с теми же, но разведенными: все, что было голубого, слила сыну, себе же ополоснула -- с каким-то зазыванием страшных снов влекшая нас к столу и варенье есть убеждавшая так, точно в вазочке не крыжовник, а живой жемчуг; сама обстановка, -- именно обстановка: то, как вещи человека *обставали*: стулья -- прислоняли, диванчики -- засасывали, столы (засада) засаживали, все же вместе ввергало в глубочайший столбняк непротивления, не говоря уже о явном, столь чуждом нашему простому, как трава растет, дому, "русском стиле" солонок ковшами, рамок теремками, пепельниц лаптями, -- и самой речи: какой-то ямщицки-елейной, сплошь из возгласов "эхма" да "ух", разделяемых "сподобил господь" и "все под богом ходим", и, теперь я назову главное -- почет. Почет, сразу наведший нас с Асей на верный след -- Толиных честных глаз.

-- И с чего это, -- говорили мы, спускаясь и подымаясь, как по волнам, по холмам, ведущим из Тарусы в наше Песочное, -- добро бы мы были княгини, или старухи, или какие-нибудь знаменитые актрисы... Ведь не можем же мы им, с нашими вихрами и локтями, правиться... Ведь, по существу, они должны нас ненавидеть.

-- Просто выгнать -- за один вид. " -- А заметила, как одобряли, как на каждое слово хихикали?..

-- Особенно отец.

-- Особенно мать.

-- А Толя сидел и обливался маслом. Ася, клянусь, что он облизывался. Да: на тебя!

-- Гадости говоришь. Если облизывался, так уж конечно на тебя, потому что меня ему по крайней мере, по самой крайней мере еще три года ждать. А тебя только год.